

Точка зрения

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР РУССКОЙ ПОЭЗИИ ЛИТВЫ (ПО ПОВОДУ СБОРНИКА СТИХОТВОРЕНИЙ ВИТАЛИЯ АСОВСКОГО *СТИХИ О ЧЕЛОВЕКЕ*)

Таисия Орал

Филолог, переводчик, поэт
Литва

И. Культурный фон: пространство неосуществившихся возможностей

В 2015 г. в небольшом вильнюсском издательстве «ZARZECZE» вышел сборник избранных стихотворений известного в Литве русского поэта, драматурга и переводчика Виталия Асовского (р. 1952), в том же году награжденного премией мэра литовской столицы за переводы и стихи о Вильнюсе. Этот сборник под названием *Стихи о человеке* можно считать ретроспективным, поскольку, как сообщается в аннотации, в него вошли стихотворения разных лет и только некоторые из них публикуются впервые. В контексте местной русской литературной жизни книга профессионального автора с тщательно отобранными и проверенными временем текстами определенно является достойным вниманием и критической рефлексии событием, а также поводом поговорить о современной русской поэзии в Литве, которая ушла в архивы истории культуры, так и не став литературным фактом.

Виталий Асовский принадлежит к тому поколению русскоязычных писателей Литвы, чьи первые шаги в творчестве пришлось на годы «застоя», дебютные книги вышли довольно поздно, и к тому времени, когда у зрелых уже авторов появилась возможность стать частью литературного процесса, их разметал вихрь перестроечных лет, по метафорическому определению Асовского – «взорвавшаяся черная дыра», «расширяющаяся галактика Союза» (с. 88)¹.

К примеру, дебютный сборник Михаила Дидусенко (1951–2003), наиболее яркого, по мнению российской критики, вильнюсского поэта этого поколения, вышел, когда автору было 37 лет (*Меджуречье*, Вильнюс: Вага, 1988). Следующая книга (не считая сборника стихов для детей) увидела свет уже посмертно, хотя поэтические подборки регулярно появлялись в журнале *Знамя*². К этому

¹ Из стихотворения 1990 г., посвященного В. Чубарову. Здесь и далее цит. по: Асовский 2015.

² См. журнал *Знамя*: 1999, №3; № 11; 2000, №4; 2002, №4; 2003, №4. В архиве В. Асовского хранится

поколению и кругу авторов, (довольно тесно общавшихся между собой, о чем свидетельствуют и их взаимные посвящения), принадлежит также поэт Виктор Чубаров (1951–2007), известный прозаик Эргали Гер (р. 1954), поэт Валерий Копысов [псевдоним: Изегов] (1955–2012).

В период печатного бума переходного времени такое количество текстов и авторов возвращалось в культуру, что многое осталось неотрефлексированным и многие имена затерялись. Однако это только одна их причин, по которой авторы из бывшей Прибалтики остаются на периферии русского литературного поля. По мнению Ильи Кукулина, написавшего предисловие к сборнику избранных стихотворений поэта и переводчика из Латвии Сергея Морейно, нераспознанной (неактуальной?) может оказаться и сама авторская стратегия, формирующаяся в пространстве культурного пограничья (Кукулин 2008).

Справедливости ради, следует сказать, что в годы «оттепели» и «застоя» русские авторы в национальных республиках тоже мало интересовали культурную метрополию, что давало авторам некоторую степень свободы ценой забвения. Показательна литературная судьба вильнюсского поэта Юрия Григорьева (р. 1937), дебютировавшего в те же годы, что и премированный в Литве писатель Юрий Кобрин (р. 1943), но оставшегося совершенно неизвестным местной публике, несмотря на яркий дебют – сборник стихотворений *Ав-*

густ, изданный в 1968 г. в Вильнюсе. Григорьев, как и Кобрин, переводил литовскую поэзию и тоже предпочел остаться в Литве после восстановления независимости, однако интерес к нему (довольно внезапно) возник не в Литве, а среди российских исследователей неофициальной советской культуры. Избранные стихи Григорьева были изданы (частично – переизданы) несколько лет назад в Москве. Ретроспективно автора сравнивают с ранним Бродским, а стихи считают уникальными на фоне допущенной в печать поэзии конца «оттепели» (Григорьев 2013)³.

Приведу еще несколько свидетельств того, что в советское время в Литве существовали предпосылки к зарождению новаторской русской поэзии.

Пример первый: в вильнюсской периодике публиковались интересные верлибры молодого поэта Василия Пахомова (Пахомов 1972, 136). Эти стихи несли на себе явные следы влияния литовской поэзии, где верлибр утвердился значительно раньше, чем в русской. Будучи из семьи староверов, Пахомов, судя по всему, закончил литовскую школу, потом поступил на филологический факультет Вильнюсского университета (публиковался в двуязычной газете *Советский студент / Tarybinis studentas*), был знаком с известным литовским писателем Сигитасом Гядой, который в одном из мемуарных отрывков писал, что Пахомов приносил ему рукопись под названием *Срезы*, которая какое-то время хранилась в архиве Гяды (Geda 2010, 5). Обнаружить ее, увы, не удалось.

машинописная копия сборника М. Дидусенко *Желтым по белому* (Санкт-Петербург, 1997), в котором есть несколько неизвестных широкой публике стихотворений, не вошедших в посмертные сборники.

³ Подробнее о Григорьеве и других авторах см.: Laukkonen 2013.

Пример второй: в 2001 г. вильнюсский социолог культуры и писатель Сергей Рапопорт⁴ издал самиздатский альманах *Для своих*, вышедший в 49 экземплярах, предназначенных для узкого круга людей, более или менее причастных к неофициальной вильнюсской компании конца 50-х – начала 60-х гг. В альманахе опубликованы тексты 28 авторов (в основном, на русском и польском языках с вкраплениями литовского), среди которых Леонид Добровольский, Михаил Ландман, Феликс Фихман, Валентина Фомина, Славомир Андриюшкевич, Алик Шульман, Леонид Миль, Дмитрий Казаринский, Роза Глинтерщик, Александр Фрейдберг, выше упомянутые Юрий Григорьев и Сергей Рапопорт, а также другие. Содержимое альманаха свидетельствует о том, что в Вильнюсе существовала очень продуктивная творческая среда, участники которой отчасти принципиально (случай Рапопорта, по его словам, отказавшегося от публикации в самиздатском *Синтаксисе*, когда составитель журнала Александр Гинзбург приезжал в Литву⁵), отчасти по стечению обстоятельств (случай Григорьева, на чей сборник стихотворений для детей была опубликована разгромная рецензия) не вышли из литературного закулисья.

К 1978 г. у русских писателей в Литве стало появляться все больше возмож-

⁴ Сергей Рапопорт известен как автор иронических культурологических эссе и зарисовок под названием «Интеллигентские позы. Вильнюс, сезоны 60–70-х годов» (Рапопорт 1997), изданных отдельной книгой по-литовски (Rapoport 1994).

⁵ Видимо, имелся в виду так и не вышедший из-за ареста Гинзбурга литовский номер *Синтаксиса*. См.: Чепайтите 2015.

ностей публиковать свои произведения. Во-первых, на смену альманаху *Литва литературная* пришел одноименный журнал, издаваемый с периодичностью раз в два месяца (до 1986 г., потом – в течение семи лет – ежемесячно). Помимо этого в издательстве «Вага» стартовала серия «Первая книга» для авторов, пишущих на русском языке. В ней выходило по одной дебютной книге в год. Напомним, что русская секция начинающих авторов при Союзе советских писателей Литвы была основана в 1947 г., и к 1978 г. в СП Литвы числилось 8 русских писателей и переводчиков, среди которых два поэта – автор военных стихов Анатолий Рыбочкин и Юрий Кобрин (если не считать Григория Кановича и Георгия Метельского, которые публиковали и прозу, и стихи). Конечно, официальная картина не отражала куда более разнообразную неофициальную и даже полуофициальную литературную жизнь – например, многие местные авторы посещали писательские семинары при Союзе писателей.

В архивах сохранились свидетельства того, что к концу восьмидесятых местная русская поэзия стала восприниматься как явление, которое требует критической рефлексии. В одном из последних номеров русскоязычного журнала *Литва литературная* за 1989 г. (перед тем как журнал изменил название на *Вильнюс*) была анонсирована статья Лазаря Шерешевского «Современная русская поэзия Литвы», но по неизвестным мне причинам она так и не вышла. Кроме того, в личном архиве Виталия Асовского (многолетнего сотрудника журнала) сохранилась нигде не публиковавшаяся машинопись

статьи Валерия Изегова «Честный человек во времена застоя. [Заметки] о молодой русской поэзии в Литве»⁶. После восстановления независимости Литвы многие интересные авторы эмигрировали (Гер, Дидусенко, Рина Зильберман⁷, Изегов, Канович, Чубаров), а несостоявшаяся рефлексия над тем, что же собой представляет местная русская поэзия и вообще литературная традиция, сложившаяся в советское время и частично перекечевавшая в независимую Литву, сказала как провал в культурной памяти, когда новому поколению как русских, так и литовских авторов представляется, что ничего (примечательного) не было вовсе.

О том, как сложилась судьба эмигрировавших в Россию местных поэтов, можно судить по короткому, но емкому стихотворению Виктора Чубарова:

*Микроскопический русский поэт
Норку покинул на старости лет.
Перекрестился и снова нырнул,
Чтобы не слышать империи гул⁸.*

Заметим, что Чубаров был весьма успешным позднесоветским поэтом, который выпустил в Вильнюсе три сборника стихов в издательстве «Вага» (*Встречное движение*, 1981; *Пульс*, 1985; *Висячие сады*, 1989) и перебрался

⁶ Машинопись не датирована, объем 16 страниц с пагинацией.

⁷ Одна из двух женщин-писательниц, дебютировавших в серии «Первая книга» за все время ее существования (сб. *Голубая нить. Стихи*, Вильнюс: Вага, 1989). Вторая – Тамара Яблонская (сб. *Вечные предметы. Стихи*, Вильнюс: Вага, 1990). Долгое время единственной женщиной, состоящей в Союзе советских писателей Литвы (из русскоязычных авторов), была переводчица Даля Эпштейнайте-Кыйв.

⁸ Данное четверостишие вышло в посмертной публикации. См.: Чубаров 2008.

в Москву в начале 1990-х гг. Еще менее завидная участь постигла ставшего в России бездомным Михаила Дидусенко, предсказавшего в одном из стихотворений анонимность своего ухода:

*Ведь здесь не Нальчик и даже акта
Зимой тебе не заполнят в морге -
Звать никто и нигде есть я.
Я неизвестней, чем Рихард Зорге,
И чем дальше, тем неизвестней.*

(Дидусенко 2006, 222–223)

Несмотря на иной выбор (не уезжать из Литвы), Виталий Асовский разделяет пессимизм Чубарова и Дидусенко в отношении собственного будущего в памяти культуры. В стихотворении 1984 г., адресованном Эргали Геру (одному из немногих местных авторов, по-настоящему состоявшихся после отъезда в Россию), говорится: «Литва не спеша превращается в Лету», и в заключительной строке – «летейские воды Литвы не отпустят» (с. 54).

В сборнике Асовского *Стихи о человеке* из адресаций преобладают посвящения друзьям-собратьям по перу: три посвящения Чубарову, одно посвящение Дидусенко, одно – Геру, два – питерскому (а ныне – израильскому) поэту Владимиру Ханану, одно – питерскому поэту Виталию Дмитриеву и еще одно – русско-казахскому поэту Бахыту Кенжееву. Это та система личных и поэтических координат, в которых существует поэт Виталий Асовский. Для его стихов характерно: верность силлабо-тонике с редкими экскурсами в верлибр; лирический субъект, в меру обремененный долей поэта, наделенный повседневым здравым смыслом и несколько нарочитой иронией; легкая приподнятость лексики и дисципли-

нированный синтаксис. Претендовать на новаторство Асовский может, пожалуй, лишь в тех стихах, которые осваивают для русской поэзии местные сюжеты. Например, рок-баллада «Замок» и сюрреалистический «Пир князя Радзивилла», где динамичность метра и неожиданное (маскарадное?) удаление толкают автора на использование несвойственных ему «авангардных» приемов, в данном случае – переносов обрубленных рифмой слов в следующую строку. Будучи явлением, скорее, местного масштаба, чем всероссийского (точнее было бы, наверное, сказать «всерусского», поскольку границы русской литературы давно не совпадают с границами государства), сборник, тем не менее, достоин более пристального рассмотрения, в том числе и как симптом того состояния, в котором сейчас находится русская словесность Литвы.

II. Стихи о (маленьком) человеке

Поскольку сборник Асовского представляет собой своеобразную ретроспективу собственного творчества, полезно вспомнить предшествующие названия его поэтических книг, чтобы оценить, как сместился акцент, какую рамку прочтения в этот раз поэт предлагает своему читателю: *Воздушная тропа* (1987), *Вильнюсский дивертисмент* (1991), *Другое пространство* (1998), *Небо и ветер* (2008), *Стихи о человеке* (2015). Здесь, как мне кажется, очевиден переход от указания на возвышенно-абстрактный или географически и культурно конкретный локус пребывания поэтического субъекта – к максимально обобщенному определению самого этого субъекта посредством именованного (в

предложном падеже) превращаемого и в своеобразный объект.

На первый взгляд, название *Стихи о человеке* констатирует очевидное и само собой разумеющееся. С философской (онтологической) точки зрения, стихи как продукт человеческого сознания – всегда о человеке, как бы не расходились на протяжении истории литературы версии того, что представляет собой воплощенное в тексте сознание: самоощущение «меру всех вещей» или только эффект языка и дискурса.

Помимо этого, возникает ассоциация со школьной тематической классификацией поэзии: стихи о любви, стихи о природе, стихи о родине, стихи о поэтах и поэзии. На фоне этого ряда «стихи о человеке» предстают как попытка исключить данные тексты из существующего набора или пополнить его новым разделом, где делается упор на *фигуре человека*.

В приближении оказывается, что заглавие книги дублирует название цикла «Стихи о человеке», датированного 1994 г. Этот цикл состоит из четырех стихотворений, сгруппированных в диптихи и пронумерованных, при этом второй диптих имеет отдельный подзаголовок:

1. «Человек идет по переходу...»
2. «У человека случилась когда-то...»

Его бестиарий

1. «Человек – он высокий, как сокол...»
2. «Человек – чисто ангел небесный...»

Стихотворения этого цикла воплощают попытку (на мой взгляд – не очень удачную) создания абсурдистских, сар-

кастических, псевдо-графоманских текстов, в которых абстрактный Человек (впрочем, определенно мужского пола) предстает как несуразная и претенциозная звероподобная фигура в «Его бесстиарии» (местоимение «его», вероятно, указывает на Бога). При этом сам автор встает в «божественную позу», наблюдая за человеком как бы со стороны, общая о нем в третьем лице. В качестве иллюстрации ниже цитируются заключительные четверостишия каждого из стихотворений:

*<...>

*И когда погода поумнеет,
может, человек повеселеет,
возвратится он и крылья сложит,
а собака ярко посинеет.*

*<...>

*Эх, человек, забубенное чрево,
туфель тебе не сносить к опоросу!
Был недозрелым плод с того древа,
вот оттого-то тебя и проносит.*

*<...>

*А потом, безответно влюбленный,
от ворот получив поворот,
ртом второй головы удрученно
свою заднюю лапу грызет.*

*<...>

*Но иные – вот грубые люди! –
не выносят небесных на дух,
и под грохот чадящих орудий
с неба рушится ангельский пух.*

В данном случае божественная точка зрения – это прием, позволяющий поэтическому субъекту *остранить* свою «человекообразную» (у Асовского – экзистенциально травматическую: «я – человек, и значит, одинок»⁹) и «поэтообразную» ипостаси: то и дело человек

оказывается существом крылатым, возвышенным, а в заключительном стихотворении выясняется, что существуют еще и некие «грубые люди», стреляющие по ангельским.

Учитывая, сколь нагружена титаническими смыслами *фигура человека* в советской поэзии и литературе XX в. вообще (достаточно вспомнить три культовые поэмы под названием *Человек* – Максима Горького, Владимира Маяковского и Эдуардаса Межелайтиса), намеренное приземление и высмеивание этой фигуры может выступать своеобразным знаком принадлежности к альтернативной традиции. В противовес титаническому человеку, вершащему судьбы мира, – антиимперский, повседневный, маленький человек; первый приносит в жертву себя и других, второму знакомо чувство вины: «Я вину признаю перед домом и каждым живущим» (с. 34).

При этом в самих текстах мы не обнаружим ни интертекстуальных отсылок, ни новаторских (или хотя бы убеждающих в своей уместности) приемов, способствующих более тонкому осмыслению существующей традиции и позиции *Стихов о человеке* в отношении к ней. *Стихи о человеке* остаются на уровне шуточного экспромта, и поэтому решение автора сохранить их в качестве очевидного ключа к замыслу сборника вызывает некоторое недоумение.

Вместе с тем, как мне представляется, заглавие сборника является своеобразным жестом смирения, отказа от поэтических амбиций и принятия своей судьбы – не великого поэта, но обычного человека, пишущего стихи.

⁹ Рефреном выступающая строка в стихотворении Асовского «Петляя то на юг, то на восток» (с. 57).

В стихотворении «Уже утрачено давно...», посвященном Чубарову, лирический субъект признается (прежде всего – самому себе) в том, что следовать за своим поэтическим призванием стоит даже в том случае, если в итоге оно обнаруживает «самоубийственную» подкладку:

*И, ей же Богу, стоит быть,
хотя бы для того поэтом,
чтоб небу было озарить
кого – необычайным светом.*

*Чтоб этот самый свет воспеть,
ему поверив без оглядки,
и над последней замереть
самоубийственной догадкой.*

(с. 43)

Что это за догадка – в стихотворении напрямую не сообщается, но можно предположить, что речь идет о некоем обмане: свет, которому поэт поверил без оглядки, оказался надуманным¹⁰. Поэтическое призвание, опьянявшее в молодости ощущением избранности, привело в итоге к осознанию ординарности собственной судьбы и отчужденности от мира:

*Не говорят со мной
ни гравий, ни трава.
Разбитой мостовой
не разберу слова.*

*Иду, всему – чуждой,
с оглядкой, точно вор,
а все – между собой
ведет свой разговор.*

*Я разочаровал
в себе их, а потом*

¹⁰ В том же духе: «Веселое время мое миновало. / Античные статуи спрятались в ниши. / Когда-то мне музыка с неба играла, / а, может, не с неба – / но я ее слышал» (с. 114).

*я сам себя застал
за подлым ремеслом.*

*Под выкрики сивилл
и пение сирен
я голову склонил,
как будто сдался в плен.*

*И в суете сует,
а попросту – хлопот,
в чужой ступая след,
шагаю – не вперед.*

*Как туча без воды,
как нота без струны,
как вторник без среды,
как месяц без луны,*

*как лед без холодов –
без цели, без звезды.
Как будто бы ладонь
без линии судьбы.*

(с. 91–92)

Можно сказать, что ядро поэтической стратегии позднего Асовского – это своеобразный стоицизм, как собственно поэтический, проиллюстрированный предыдущим стихотворением, так и человеческий: «но холодает и весной / и летом сплошь дожди / терпи мужайся Бог с тобой / хорошего не жди <...> тебе ведь сказано держись / пускай кругом зима / и накопившаяся жизнь / идет путем дерьма» (с. 116–117). Стоицизм этот не столько имеет отношение к стоикам (как в случае Бродского, чье влияние, сдержанное и не оторефлектированное, время от времени ощущается в стихах Асовского), сколько сливается в своем повседневном значении с понятием «стойкость». Стойкость перед лицом очевидной бесперспективности «бытия поэтом» и тем более издания русских стихов в Литве (кто-то скажет:

стихов вообще, но в таком случае: русских и в Литве – в особенности). Мне не удалось найти ни одной рецензии на этот сборник, только анонсы – несмотря на то, что в год выхода сборника, как выше уже упоминалось, Асовскому была вручена премия. Кроме того можно вспомнить, что Асовский – член Союза писателей Литвы с 1992 г., многолетний сотрудник журнала *Вильнюс*, переводивший литовских и польских поэтов, то есть, казалось бы, включен не только в русскоязычную культурную жизнь столицы.

Повседневный стоицизм в поэзии Асовского предстает как некое врожденное качество человека, своеобразный иммунитет противостояния миру (в основном равнодушному, порой враждебному, изредка – раскрывающемуся поэтическим откровением). Так ребенок поражает своим ежедневным мужеством приспособления к действительности:

*О, как он в детской одинок,
когда в кроватке, как в загоне,
проснется в полночь! Потолок
высок, таинственен и темен.*

*Квартал поземкой занесен,
и кто-то бродит в снежном прахе.
И зашуршат со всех сторон,
пойдут к нему ночные страхи.*

*Он плачем борется со тьмой.
<...>
И он бесстрашно и свободно
наутро всходит на горшок
под вопли труб водопроводных.*

(с. 93–94)

В целом стихи Асовского мне хотелось бы определить как поэтическую беллетристику (не вкладывая в это слово никаких уничижительных смыслов).

Поэтическая беллетристика – это стихи, которые не переопределяют поэзию, но остаются в рамках дозволенного традицией. Не удивительно, что в основном это тексты силлабо-тонические, с несложным синтаксисом и традиционно-поэтической лексикой, с узнаваемым лирическим субъектом.

Поэтическая беллетристика способна доставить истинное наслаждение читателю, чьи поэтические координаты установлены школьно-хрестоматийной классикой. Она выполняет не менее важную социально-литературную функцию, хотя и иную, чем авангардная поэзия, или, скажем так, поэзия бунта и поиска. Не случайно поэтическая беллетристика тесно связана с замкнутой на самой себе провинциальной и эмигрантской культурной сценой. Утешительно было бы считать, что «большой талант всегда сам найдет дорогу» (при этом подразумевается, что если не нашел, то, стало быть, небольшой был). Однако утверждая это, мы отказываемся от личной культурной ответственности и удобряем мифологию предназначения, а также лишаем читателей, по разным причинам не увлеченных идеей постоянного обновления литературных форм, возможности читать качественные стихи, пусть и не открывающие новых земель.

Очень хочется согласиться с Ольгой Балла, которая считает, что существует как хорошая «поэтическая беллетристика», так и плохая «высокая поэзия» (Balla 2014). Просто они существуют в разной системе координат и их нельзя оценивать по одной шкале. Поэтическая беллетристика является важной составляющей литературного процес-

са любой эпохи; при этом, разумеется, никакой объективной границы между беллетристикой и «большой поэзией» не существует.

Стихи Виталия Асовского заполняют важную нишу в разнообразии вильнюсской литературной жизни и по мере своих возможностей осмысливают культурно-поэтическую ситуацию,

в которой обнаруживает себя их автор. Очевидная их традиционность, как я попыталась показать в первой части этой статьи и аргументировать во второй, является не только результатом личного выбора, но и – в меньшей степени – продуктом объективных сил, действующих в литературном поле (и в поле власти).

ЛИТЕРАТУРА

Асовский, Виталий. 2015. *Стихи о человеке*. Vilnius: ZARZECZE. 132 с.

Григорьев, Юрий. 2013. *Лицейский свет в исчезнувшей стране*. / Сост. А. Бабёнышев, И. Бабёнышева, Г. Лукомников. Москва: Международный институт гуманитарных исследований.

Гер, Эргали. 2003. Неизвестней, чем Рихард Зорге. *Независимая газета*, 11. 12. 2003. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2003-12-11/4_didusenko.html (см. 06 10 2016).

Дидусенко, Михаил. 2006. *Из нищенской руды*. Москва: Издательство Н. Филимонова.

Кукулин, Илья. 2008. Статья иноземцем (предисловие). *Морейно, Сергей*. *См. *Избранные стихи и переводы*. Москва: Новое литературное обозрение. 5–28.

Рапопорт, Сергей. 1997. Интеллигентские позы (Вильнюс, сезоны 60–70-х годов). *Вильнюс* 1. 119–136; *Вильнюс* 2. 91–111.

Пахомов, Василий. 1972. [Стихи]. *Литва литературная*. 136.

Чепайтите, Мария. 2015. Литовский номер «Синтаксиса». *Иностранная литература* 3. 134–141.

Чубаров, Виктор. 2008. То, о чем не просим. Стихи. Вступ. слово П. Крючкова. *Новый мир* 5. 104–108.

Balla, Olga [yettergjart]. И соображения библиофага. *Livejournal*. 28 февраля 2014. Режим доступа: <http://yettergjart.livejournal.com/1299490.html> (см. 06 10 2016).

Geda, Sigita. 2010. Dainos, kurių išmokė motina [2007]. *Šiaurės Atėnai*, 2010-02-26. № 8 (978). 5.

Laukkonen, Taisija. 2013. *Dainiai be tautos: Lietuvos rusų rašytojų strategijos (po)sovietmečiu*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.

Rapoortas, Sergejus. 1994. *Vilniaus snobai (VII–VIII dešimtmetis)*. Vertė R. Kubilienė. Vilnius: Unitas.

Получено: 2016, октябрь

Принято: 2016, октябрь

Адрес автора:

A. Vivulskio g. 10A-13

LT-03221 Vilnius Lietuva

E-mail: taisija.oral@gmail.com